

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.10.66.067

**Несовершеннолетние в фокусе правоохранительной
и уголовно-исполнительной политики 30-50-х годов
XX века: истоки формирования и актуальность
для современных реалий**

Киселев Степан Александрович

Научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: kiselev.s.a@fsin.gov.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен комплексному анализу генезиса и эволюции правоохранительной и уголовно-исполнительной политики Советского государства в отношении несовершеннолетних правонарушителей в период 30–50-х годов XX века. Выбор хронологических рамок обусловлен кардинальным переломом в подходах к преступности несовершеннолетних: от относительно гуманных экспериментов 1920-х годов к репрессивно-карательной системе, окончательно оформившейся к середине 1930-х и сохранявшейся до середины 1950-х годов. В работе исследуются ключевые изменения в подходах решений проблем безнадзорности и преступности в среде несовершеннолетних, включая как воспитательные методы, так и меры принуждения. Отдельно рассматриваются этапы формирования нормативной базы и создания специализированных учреждений для работы с детьми и подростками, находящимися в сложных жизненных обстоятельствах. Проанализировано влияние социальных факторов на государственную политику в отношении несовершеннолетних. Рассмотрены методы, варианты и, особенно, эффективность профилактической работы, направленной на снижение безнадзорности несовершеннолетних и преступности. На основе исторического опыта делаются выводы о необходимости комплексного подхода, включающего социальную поддержку, обучение и воспитательное воздействие. Актуальность исследования подтверждается современными вызовами, стоящими перед организационной системой защиты детства, и возможностью применения проверенных временем методов в текущих условиях для обеспечения безопасного и благополучного развития подрастающего поколения.

Для цитирования в научных исследованиях

Киселев С.А., Слабкая Д.Н. Несовершеннолетние в фокусе правоохранительной и уголовно-исполнительной политики 30-50-х годов XX века: истоки формирования и актуальность для современных реалий // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 597-606. DOI: 10.34670/AR.2026.10.66.067

Ключевые слова

Уголовно-исполнительная система, несовершеннолетние, безнадзорность и беспризорность, профилактика правонарушений, профессиональное обучение, социальная адаптация, правовое регулирование.

Введение

После Октябрьской революции 1917 года государство взяло курс на гуманизацию обращения с несовершеннолетними правонарушителями. Декретом Совета народных комиссаров от 14 января 1918 года были созданы комиссии по делам несовершеннолетних, находившиеся в ведении Наркомата просвещения. Уголовная ответственность для лиц до 17 лет исключалась, а все несовершеннолетние, содержащиеся в тюрьмах, подлежали освобождению. Комиссии могли помещать правонарушителей в возрасте от 14 до 16 лет в трудовые дома [Краснов, 2024].

Однако к началу 1930-х годов ситуация кардинально изменилась. Страна столкнулась с масштабной детской беспризорностью – миллионы детей, оставшихся без родителей после Гражданской войны, голода и коллективизации, были вынуждены выживать на улицах, нередко совершая правонарушения. В 1931 году комиссии по делам несовершеннолетних были упразднены на всех уровнях – от общесоюзной до местных. Обязанности по противодействию преступности перешли к правоохранительным органам [Беженцев, 2011].

Основная часть

Истоки формирования жесткой, преимущественно карательной, а не воспитательной, модели следует искать в конце 1920-х годов. Свертывание НЭПа и курс на форсированную модернизацию потребовали тотального контроля над человеческим капиталом. Дети, особенно беспризорники и безнадзорные, воспринимались государством не как объект социальной защиты, а как потенциальный и реальный криминальный элемент, угрожающий «социалистическому строительству». Период 1930–1950-х годов стал переломным в истории отечественной политики в отношении несовершеннолетних. Именно в эти десятилетия сформировались основные институты, подходы и противоречия, которые во многом определили развитие ювенальной юстиции и профилактики правонарушений среди подростков в России на долгие годы вперед. От радикального ужесточения уголовной ответственности в середине 1930-х до послевоенного смягчения – эволюция государственной политики в отношении несовершеннолетних отражала как идеологические установки советской власти, так и объективные вызовы времени: массовую беспризорность, рост преступности, последствия войны и необходимость восстановления страны.

Руководствуясь опытом последствий, к которым привела Гражданская война, в 1930-е годы власти страны уделяли большое внимание профилактике безнадзорности и преступности среди

несовершеннолетних. Школы начали выполнять не только образовательную, но и воспитательную работу. Тогда же распространились и школы фабрично-заводского ученичества, которые создавались на базе крупных промышленных предприятий. Образовательный процесс отличался содержанием в учебных планах общетехнических, специальных и общеобразовательных предметов. Это позволяло подготавливать как высококвалифицированных рабочих, так и специалистов универсального профиля непосредственно в школах фабрично-заводского ученичества.

Для работы с несовершеннолетними правонарушителями открывались специализированные школы фабрично-заводского ученичества особого типа, где помимо обучения, профессиональной подготовки проводились занятия по коммунистическому воспитанию. Кроме того, важным фактором воспитательного процесса явилось то, что подростки не только не изолировались от общества, но и были активно вовлечены в трудовые процессы. А.Ф. Кудимов приводит следующие цифры : «к 1934 году в РСФСР действовало 19 школ фабрично-заводского ученичества особого типа, в Украинской ССР – 5, в Белорусской ССР – 2» [Кудимов, 2006]. Несмотря на то, что подобные школы технически и материально не в полной мере соответствовали требованиям профессиональной подготовки школьников, они исполняли социальный заказ, поставленный перед педагогическими коллективами в части трудового воспитания несовершеннолетних правонарушителей. По мнению Н.А. Беловой «отбытие подростками наказания в школах фабрично-заводского ученичества особого типа, а не в тюрьмах или колониях позволяло им приспособиться к работе в коллективе, давало шанс на последующее возвращение к нормальной жизни с навыками приобретенной профессии» [Белова, 2018].

Несмотря на положительные результаты деятельности школ фабрично-заводского ученичества особого типа для несовершеннолетних правонарушителей, в середине 1930-х годов из-за ужесточения уголовной политики их развитие замедлилось.

Если в 1920-е годы еще сохранялись элементы ювенальной юстиции и работы с несовершеннолетними через систему комиссий по делам несовершеннолетних (КДН), то с началом 1930-х вектор резко меняется. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» стало поворотным пунктом. Оно практически уравнило уголовную ответственность детей с 12 лет с ответственностью взрослых по широкому кругу составов преступлений (вплоть до применения высшей меры наказания – расстрела) [Постановление ЦИК и Совнаркома № 3/398]. Это законодательство было направлено не на исправление, а на изоляцию и устрашение.

В 1930-е годы в пенитенциарной системе для несовершеннолетних произошла фундаментальная трансформация. Трудовые дома и школы-коммуны, которые в 1920-е (под руководством Макаренко и других педагогов) демонстрировали элементы гуманистического подхода, были либо ликвидированы, либо перепрофилированы. На их место пришли трудовые колонии НКВД (а затем и разделение по половому признаку), которые по своему режиму все больше напоминали взрослые исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). Ключевым принципом стал «труд как средство перевоспитания», который на практике оборачивался эксплуатацией детского труда, несовершеннолетние привлекались к работам, не соответствующим их возрасту и здоровью, часто в опасных условиях на лесоповале, в шахтах, на стройках. Нормы выработки для подростков были сопоставимы с нормами взрослых, питание – скудным, а дисциплина – палочной. Воспитательная работа сводилась к политической агитации и насаждению культа труда, без учета возрастной психологии и травматического опыта детей [Самбур, 2016].

Так, Постановлением Совнаркома СССР и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ЦК ВКП(б)) от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» в рамках реорганизации системы детских учреждений детские дома различного профиля передавались в ведение народных комиссариатов (далее – наркоматов) просвещения, здравоохранения и социального обеспечения союзных республик. При этом все учреждения закрытого типа, включающие изоляторы, трудовые колонии и приемники-распределители, концентрировались в системе Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) СССР. Также был установлен «трудовой режим, обеспечивающий привитие детям трудовых навыков и овладение определенной профессией ко времени выхода из детского дома или колонии для несовершеннолетних путем организации мастерских при детском доме или колонии, а также прохождения производственной практики на предприятиях» [Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б)].

С целью усовершенствования системы координации и контроля работы рассматриваемых учреждений руководством страны было принято решение о создании специализированных управленческих подразделений. В народных комитетах просвещения республик Советского союза создавались управления по руководству детскими домами, в чьи задачи входило кураторство этих учреждений. В то же время в системе НКВД РСФСР были сформированы отделы по руководству детскими учреждениями, что способствовало созданию единого подхода к решению вопросов содержания, воспитания и развития несовершеннолетних правонарушителей. Подобное распределение полномочий между различными ведомствами повышало эффективность управления и результативностью контроля.

В развитие вышепоименованного Постановления органы промышленности и сельского хозяйства обязывались «направлять воспитанников, выходящих из детских домов, на работу в соответствии полученной ими квалификацией».

Также постановлением регламентировалась ответственность родителей. В административном порядке органам милиции предоставлялось право штрафовать родителей в пределах до 200 рублей «за озорство и уличное хулиганство детей». За действия несовершеннолетних, повлекшие имущественный ущерб, для родителей и опекунов устанавливалась материальная ответственность [Кузьмин, 2014]. Однако, в тех случаях, когда родители не обеспечивали должного контроля за поведением своего ребенка, органам наркома просвещения предписывалось инициировать через суд изъятие ребенка из семьи для дальнейшего помещения его в детский дом. При этом содержание ребенка в детском доме предусматривалось за счет родителей.

Таким образом, в целом постановление способствовало усилению карательных мер, централизации контроля над несовершеннолетними и формированию ведомственной нормативной базы для регулирования деятельности детских учреждений, особенно в системе НКВД. Тем самым это отражало ужесточение уголовной политики в отношении несовершеннолетних во второй половине 1930-х годов.

Начало 1940-х годов изменения в уголовном законодательстве СССР в отношении несовершеннолетних ознаменовались существенным поворотом в государственной политике.

Указ Президиума Верховного совета (далее – ВС) СССР от 31 мая 1941 года «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» существенно ужесточил нормы привлечения подростков к уголовной ответственности. Согласно данному документу, за преступления, не подпадающие под действие постановления от 7 апреля 1935 года и указа от 10 декабря 1940 года, несовершеннолетние могли быть привлечены к ответственности уже с 14-летнего

возраста, тем самым снизив возрастной порог, установленный ранее Декретами Совнаркома и Уголовным кодексом РСФСР [Зейнатдинова, Резяпов, 2019].

Последствия изменений в законодательстве привели к расширению практики привлечения подростков к уголовной ответственности, снижению возрастного порога привлечения к ответственности, увеличению числа несовершеннолетних осужденных.

Система возрастного ценза в уголовном праве приобрела дифференцированный характер: в зависимости от тяжести совершенного преступления подростки могли подлежать уголовной ответственности как с 12, так и с 14 лет. Это стало значительным отходом от ранее действовавших воспитательно-педагогических принципов гуманизации.

Великая Отечественная война внесла серьезные коррективы. 23 января 1942 года вышло постановление СНК СССР № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». На милицию была возложена обязанность по выявлению безнадзорных детей и помещению их в приемники-распределители, созданы детские справочные адресные столы для учета подростков и помощи в розыске потерявшихся детей.

Ужесточение законодательства привело к высокой криминализации несовершеннолетних, которые попадали в исправительные учреждения, где они содержались вместе со взрослыми осужденными, уже имеющими криминальный опыт. Тем самым подростки вовлекались в преступную среду, получали деструктивный опыт, способствующий дальнейшему рецидиву преступлений. Не обладая достаточным жизненным опытом, будучи сиротами либо обделенными родительским вниманием и заботой, несовершеннолетние оказывались в группе повышенного риска формирования устойчивых криминальных установок, которые создавали у подростков искаженное представление о социальных нормах и закрепляли криминальные модели поведения. В результате освобождения такие молодые люди испытывали серьезные трудности с адаптацией в обществе и возвращением к правопослушной жизни.

Военное время указало на острую необходимость внесения корректировок в уголовную политику в отношении несовершеннолетних. По всей стране создаются комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, увеличивается сеть приемников-распределителей НКВД СССР. Вышепоименованный Постановлением Совнаркома СССР профилактике беспризорности и безнадзорности присвоен государственный статус. Было установлено, что «после пребывания в приемнике-распределителе, в случае невозможности возвращения ребенка родителям, дети до 14 лет направлялись в соответствующие детские учреждения или на патронирование в семьи рабочих, служащих и колхозников, а дети старше 14 лет устраивались на работу в промышленность или сельское хозяйство» [Постановление Совнаркома № 75].

Великая Отечественная война 1941-1945 годов явилась огромным испытанием для государства в целом и для каждой семьи в частности. Одним из ее результатов стал социально-экономический кризис, деструктивно повлиявший на повседневную жизнь общества и давший рост преступности несовершеннолетних. На восстановление общественной безопасности государства были направлены все имеющиеся ресурсы, в том числе и на решение проблемы детской безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних.

В послевоенный период число детей-сирот составляло 680 тыс. человек [Седова, 2013]. 14 февраля 1946 года была издана директива Народного комиссара внутренних дел СССР № 37 «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью», в которой указывалось на существенные недочеты в работе органов НКВД и колониях для несовершеннолетних. По этой причине руководством НКВД СССР особое значение придавалось организации «производственного и общеобразовательного обучения и

культурно-воспитательной работе среди воспитанников детских колоний» [Виленский и др., 2002].

Значительно возросло количество общественных организаций, взаимодействующих с детскими комнатами милиции и учреждениями системы народного образования. Это дало возможность организовать качественную систему предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и создать комплекс решений социальных проблем детей и подростков. МВД СССР отмечало сокращение численности несовершеннолетних осужденных, поступавших в трудовые колонии: в 1947 году – 59 659 человек, в 1948 году – 31 680 человек, в 1949 году – 27 679 человек, за первое полугодие 1950 года – 11 010 человек [Иваняков и др., 2020].

По состоянию на 1 июля 1950 года в колониях для несовершеннолетних МВД СССР содержалось 33 292 несовершеннолетних осужденных [Бубличенко, 2019], при этом за кражи, хищения, грабежи и разбой содержалось 28 824 осужденных или 86,6% от общего числа. Основная масса осужденных приходилась на возраст 17-18 лет – 23 499 человек или 70,6%, осужденные в возрасте от 13 до 16 – 9 793 человека или 29,4%. Также стоит учитывать, что из общего числа данной категории несовершеннолетних осуждены впервые были 29 635 человек или 89%, второй раз – 3 192 человека или 9,6%, третий раз – 265 человек или 0,8%. При этом отмечалось, что «в числе осужденных несовершеннолетних имеется большое количество подростков, твердо вставших на путь исправления, дальнейшее содержание которых не в интересах государства». Таким образом уполномоченными структурами и службами принимались действенные меры, чтобы оградить несовершеннолетних осужденных от инспирации криминальной субкультуры. Как результат: численность заключенных, не достигших 18 лет (в процентном соотношении к общей численности заключенных) по состоянию на 1 января 1958 года составила 0,2 %, по состоянию на 1 января 1959 года составила 0,1 %, по состоянию на 1 января 1960 года составила 0,04 % [Кокурин, Петров, 2000].

В послевоенный период органы государственной власти разных уровней проводили масштабную работу по профилактике детской безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних. Для решения этой важной социальной задачи был разработан и реализован целый комплекс действенных мер. Система профилактики начала работать по нескольким ключевым направлениям. На базе отделов милиции были созданы специализированные детские комнаты, сотрудники которых занимались не только надзором, но и проводили воспитательную работу с несовершеннолетними.

Социальная защита сирот и трудовых подростков обеспечивалась через создание специальных трудовых воспитательных колоний, организацию работы детских домов, обеспечение воспитанников питанием по установленным нормам, предоставлением медицинского обслуживания.

Кроме того, власти вели активную работу по выявлению и устранению причин, по которым дети самовольно покидали детские дома и приемники-распределители. Благодаря такому всестороннему подходу удалось значительно снизить уровень беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних в послевоенный период [Славко, 2010].

Все эти меры в совокупности сформировали эффективную систему защиты детства и предупреждения правонарушений, которая показала свою результативность в послевоенные годы.

Заключение

Правоохранительная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних в 1930–1950-х годах прошла сложный путь от «большого террора» в

ювенальной сфере к постепенной гуманизации. Истоки этой политики лежали в объективном кризисе беспризорности, однако выбранные средства – резкое ужесточение ответственности, распространение на детей всех видов наказаний вплоть до смертной казни – оставили глубокий след в истории.

Осмысление этого опыта необходимо не только для исторической науки, но и для современной правовой политики. Оно напоминает о хрупкости прав ребенка, о рисках, которые несет с собой чрезмерная репрессивность, и одновременно – о неизбежности государственного участия в защите детства. Главный урок заключается в том, что эффективная политика в отношении несовершеннолетних невозможна без учета их возрастных, психологических и социальных особенностей, без опоры на воспитание и ресоциализацию, а не только на карательные меры. Именно в этом направлении движется современное российское законодательство, опираясь в том числе на преодоление трагических уроков прошлого.

Комплекс профилактических мер, социальных инициатив и воспитательного воздействия, обеспечит формирование эффективной модели защиты прав и интересов детей и подростков, препятствуя их вовлечению в криминальную среду и создавая условия для полноценного становления личности.

Библиография

1. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 23.01.1942 № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей».
2. Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 7 апреля 1935 года № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних».
3. Постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности».
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 года «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – № 52.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 года «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 25.
6. Беженцев, А. А. Историческое развитие государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советский период / А. А. Беженцев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 2(50). – С. 56-63.
7. Белова Н. А. История пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в СССР в 30-е годы XX века / Н. А. Белова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 7(194). – С. 13-21.
8. Бубличенко В.Н. Детские трудовые колонии НКВД-МВД в Вологодской области в 1940-е годы. *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 371-395.
9. Виленский С. С., Кокурин А. И., Аتماшкина Г. В., Новиченко И. Ю. Дети ГУЛАГа. 1918-1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева – М.: МФД, 2002. – (Серия «Россия. XX век. Документы»). – 631 с.
10. Зайнетдинова, А. А. Анализ законодательства советского периода в части урегулирования преступности несовершеннолетних / А. А. Зайнетдинова, А. А. Резяпов // *Colloquium-Journal*. – 2019. – № 6-7(30). – С. 49-53. – DOI 10.24411/2520-6990-2019-10134.
11. Иваняков Р. И., Пилявец Ю. Г., Гордиенко О. Я. Правовые основы уголовной ответственности несовершеннолетних в 40-50-е годы XX века. В сборнике: *Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием*. Псков, 2020. С. 163-170
12. Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917-1960. М.: МФД, 2000. – (Серия «Россия. XX век. Документы»). – 888 с.
13. Краснов Д.А., Сапожникова Т.Н. Исторический опыт реализации государственной политики в области профилактики преступности среди несовершеннолетних в Советской России в 1917-1935 годах // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. №2. С. 026-034. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-2-026-034
14. Кудимов А. Ф. Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей / А. Ф. Кудимов // Вопросы ювенальной юстиции. – 2006. – № 3. – С. 2-5.

15. Кузьмин, С. И. Развитие исправительно-трудовой системы Советского государства (1931-1953 годы) / С. И. Кузьмин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 1(140). – С. 46-53.
16. Новиков А.В., Кряжева С.Г., Вэтра А.В. Изучение личности несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции как основа профилактики деструктивного поведения // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 5А. С. 393-403.
17. Новиков А.В., Кулакова С.В., Кротова Д.Н. Психолого-педагогические и гендерные особенности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 130-138.
18. Самбур, Б. Н. Трудовые лагеря в системе борьбы с подростковой беспризорностью накануне и в годы Великой Отечественной войны / Б. Н. Самбур // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 1(65). – С. 49-52.
19. Седова Д. В. Деятельность органов государственной власти по профилактике безнадзорности и правонарушений детей и подростков в послевоенный период 1945-1955 годов / Д. В. Седова // Симбирский научный вестник. – 2013. – № 4(14). – С. 47-50.
20. Славко, А. А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период / А. А. Славко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 33-43.

Minors in the Focus of Law Enforcement and Penal Policy of the 1930s–1950s: Origins of Formation and Relevance for Modern Realities

Stepan A. Kiselev

Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kiselev.s.a@fsin.gov.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to a comprehensive analysis of the genesis and evolution of the law enforcement and penal policy of the Soviet state regarding juvenile offenders in the period of the 1930s–1950s. The choice of the chronological framework is conditioned by a cardinal turning point in approaches to juvenile delinquency: from the relatively humane experiments of the 1920s to the repressive-punitive system that finally took shape by the mid-1930s and persisted until the mid-1950s. The paper examines key changes in approaches to solving the problems of neglect and crime among minors, including both educational methods and coercive measures. The stages of forming the regulatory framework and creating specialized institutions for working with children and adolescents in difficult life circumstances are separately considered. The influence of social factors on state policy regarding minors is analyzed. The methods, options, and, especially, the effectiveness of preventive work aimed at reducing child neglect and crime are examined. Based on

historical experience, conclusions are drawn about the need for a comprehensive approach including social support, training, and educational influence. The relevance of the research is confirmed by the modern challenges facing the organizational system of child protection and the possibility of applying time-tested methods in current conditions to ensure the safe and prosperous development of the younger generation.

For citation

Kiselev S.A., Slabkaya D.N. (2026) Nesovershennoletnie v fokuse pravookhranitel'noy i ugolovno-ispolnitel'noy politiki 30-50-kh godov XX veka: istoki formirovaniya i aktual'nost' dlya sovremennykh realiy [Minors in the Focus of Law Enforcement and Penal Policy of the 1930s–1950s: Origins of Formation and Relevance for Modern Realities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 597-606. DOI: 10.34670/AR.2026.10.66.067

Keywords

Penal system, minors, neglect and homelessness, crime prevention, vocational training, social adaptation, legal regulation.

References

1. Postanovlenie Soveta Narodnyh Komissarov Soyuza SSR ot 23.01.1942 № 75 «Ob ustrojstve detej, ostavshih'sya bez roditel'ej».
2. Postanovlenie Central'nogo ispolnitel'nogo komiteta i Soveta narodnyh komissarov SSSR ot 7 aprelya 1935 goda № 3/598 «O merah bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnih».
3. Postanovlenie Soveta narodnyh komissarov SSSR i Central'nogo komiteta Vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) ot 31 maya 1935 goda «O likvidacii detskoj besprizornosti i beznadzornosti».
4. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 10 dekabrya 1940 goda «Ob ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih za dejstviya, mogushchie vyzvat' krushenie poezdov» // *Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR*. – 1940. – № 52.
5. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 31 maya 1941 goda «Ob ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih» // *Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR*. – 1941. – № 25.
6. Bezhencev, A. A. Istoricheskoe razvitiye gosudarstvennyh organov i uchrezhdenij sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih v sovetskij period / A. A. Bezhencev // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2011. – № 2(50). – S. 56-63.
7. Belova N. A. Istoriya penitencijnyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej v SSSR v 30-e gody XX veka / N. A. Belova // *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*. – 2018. – № 7(194). – S. 13-21.
8. Bublichenko V.N. Detskie trudovye kolonii NKVD-MVD v Vologodskoj oblasti v 1940-e gody. *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii*. – 2019. – T. 3. – № 1. – S. 371-395.
9. Vilenskij S. S., Kokurin A. I., Atmashkina G. V., Novichenko I. Yu. *Deti GULAGa. 1918-1956 / pod red. akad. A.N. Yakovleva* – M.: MFD, 2002. – (Seriya «Rossiya. HH vek. Dokumenty»). – 631 s.
10. Zajnetdinova, A. A. Analiz zakonodatel'stva sovetskogo perioda v chasti uregulirovaniya prestupnosti nesovershennoletnih / A. A. Zajnetdinova, A. A. Rezyapov // *Colloquium-Journal*. – 2019. – № 6-7(30). – S. 49-53. – DOI 10.24411/2520-6990-2019-10134.
11. Ivanyakov R. I., Pilyavec Yu. G., Gordienko O. Ya. Pravovye osnovy ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih v 40-50-e gody XX veka. V sbornike: *Pravookhranitel'nye organy Rossii: problemy formirovaniya i vzaimodejstviya. Cbomik materialov Mezhevuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Pskov, 2020. S. 163-170
12. Kokurin A.I., Petrov N.V. *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerej) 1917-1960*. M.: MFD, 2000. – (Seriya «Rossiya. HH vek. Dokumenty»). – 888 s.
13. Krasnov D.A., Sapozhnikova T.N. Istoricheskij opyt realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti profilaktiki prestupnosti sredinesovershennoletnih v Sovetskoj Rossii v 1917-1935 godah // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. 2024. T. 17. №2. S. 026-034. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-2-026-034
14. Kudimov A. F. Istoricheskaya spravka o sozdanii i organizacii penitencijnyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej / A. F. Kudimov // *Voprosy yuvenal'noj yusticii*. – 2006. – № 3. – S. 2-5.

15. Kuz'min, S. I. Razvitie ispravitel'no-trudovoj sistemy Sovetskogo gosudarstva (1931-1953 gody) / S. I. Kuz'min // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. – 2014. – № 1(140). – S. 46-53.
16. Novikov A.V., Kryazheva S.G., Vetra A.V. Izuchenie lichnosti nesovershennoletnih pravonarushitelej v usloviyah izoljatsii kak osnova profilaktiki destruktivnogo povedeniya // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2024. Tom 14. № 5A. S. 393-403.
17. Novikov A.V., Kulakova S.V., Krotova D.N. Psihologo-pedagogicheskie i gendernye osobennosti nesovershennoletnih osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazanie v uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2019. T. 8. № 2A. S. 130-138.
18. Sambur, B. N. Trudovye lagerya v sisteme bor'by s podrostkovoj besprizornost'yu nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / B. N. Sambur // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 1(65). – S. 49-52.
19. Sedova D. V. Deyatel'nost' organov gosudarstvennoj vlasti po profilaktike beznadzornosti i pravonarushenij detej i podrostkov v poslevoennyj period 1945-1955 godov / D. V. Sedova // Simbirskij nauchnyj vestnik. – 2013. – № 4(14). – S. 47-50.
20. Slavko, A. A. Gosudarstvennoe regulirovanie processa likvidatsii detskoj besprizornosti v Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i v poslevoennyj period / A. A. Slavko // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2010. – № 120. – S. 33-43.